

Галина
Конарева-
Криволь

Девочка из продирки

Библиотека классической и современной прозы

Галина Криволь

Девочка из пробирки

«Продюсерский центр ротации и продвижения»

Криволь Г.

Девочка из пробирки / Г. Криволь — «Продюсерский центр ротации и продвижения»,

Современные технологии и новшества уже так захлестнули нашу жизнь, что мы порой и не задумываемся, когда решаемся на некоторые дела. Такие, например, как суррогатное материнство. Конечно, для многих пар, которые не могут стать родителями по физиологическим причинам, это является выходом из сложной ситуации. Другие же идут на этот шаг из-за нежелания жениться или выходить замуж. При этом ни первые, ни вторые почти не задумываются, что будет с их ребенком, если он узнает о том, как появился на свет? Сможет ли он простить своих родителей, которые лишили его биологической матери? И вообще, справится ли психика человека с такой новостью? На все эти вопросы и дальнейшую судьбу такого человека поможет ответить произведение «Девочка из пробирки». Его автор наглядно и глубоко описывает состояние девочки, которая только что узнала, что стала частью технологии... Днями напролет, бедная девочка думает о своей маме, а по ночам та ей даже снится. Бедняжка просит своего отца разыскать мать, но все не так уж и просто – прошло много лет и клиника, где девочке помогли появиться на свет, уже закрылась... Кроме «Девочки из пробирки» в этой книге представлены и другие произведения, рассказывающие о жизни и людях, об их поступках и принципах. Это рассказы «Я тебя никогда не забуду», «Мишкина любовь», «Булева алгебра», «Коммуна», «Пожелай мне счастья», «Позови меня тихо по имени», «Юзек и его скрипка» и «Ягоды и бабы».

© Криволь Г.

© Продюсерский центр ротации и
продвижения

Содержание

Автобиография	6
Девочка из пробирки	7
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Галина Конарева-Криволь

Девочка из пробирки

Автобиография

Родилась в деревне Полевая Курской области в 1959 году. Родители: отец – служащий на железной дороге, мать – учитель русского языка и литературы. Окончила школу с золотой медалью. Одновременно училась во Всесоюзной заочной математической школе при Воронежском государственном университете. После окончания Харьковского института радиоэлектроники в 1981 году по распределению приехала в Белоруссию, в город Брест, здесь же вышла замуж. Трудилась инженером. После получения второго высшего образования работала экономистом. Главным читателем моих рассказов и вдохновителем на написание новых является моя мама.

*Пусть мама услышит, пусть мама придёт,
Пусть мама меня непременно найдёт,
Ведь так не должно быть на свете,
Чтоб были потеряны дети.*

*Д. Непомнящая
Песенка Мамонтенка*

Девочка из пробирки

«Дорогая мама, сегодня я узнала, что ты не умерла, что ты у меня есть. Я всегда об этом знала, потому что ты мне снишься каждую ночь. Ты приходишь ко мне такая светлая и теплая и гладишь меня по волосам. А сегодня у меня день рождения, и мне подарили много подарков. А я начала вести дневник, чтобы разговаривать с тобой. Про тебя мне рассказал Сережа – он слышал, как о тебе говорили его мама и папа. И теперь я такая счастливая! Про подарки я потом расскажу, а сейчас я должна идти к гостям. Мама, я так люблю тебя!»

Эллина сидела на мягком диване, поджав под себя ноги, и листала свой детский дневник. Это была первая запись. Эллина хорошо помнит тот день – ее десятый день рождения. Как всегда, в доме собралось много гостей – дарили разные подарки, желали здоровья и счастья. Отец приветствовал гостей и был немного взволнован. На нем был новый, с иголки, черный костюм и белая рубашка с галстуком-бабочкой, черные лакированные туфли добавляли его внешнему виду еще большей торжественности. Эллина порхала между гостями в розовом воздушном платье с большим бантом пояса, завязанном позади; на ножках красовались туфельки на маленьком каблучке, посеребренные множеством мелких камешков-стразов, – совсем как туфельки Золушки. Сегодня ее и без того кудрявые волосы завили длинными спиралями, часть волос собрали на макушке и закрепили двумя жемчужными заколками. Эллина с ее большими голубыми глазами, вдернутым носиком и игривыми ямочками на щеках сейчас была похожа на принцессу из сказки.

– Ах, какая красавица! – восхищались гости.

Для детей был накрыт стол в большой гостиной, здесь же аниматоры устроили для них игры и конкурсы. Взрослые расположились за несколькими круглыми столами во второй гостиной – в той, что поменьше. В доме стояла атмосфера праздника и веселья. Когда дети наигрались, набегались и напрыгались, подали фрукты и сладости, а затем именинный торт. Эллина всегда загадывала одно и то же желание, перед тем как задуть свечи на торте: она просила, чтобы ее мама пришла к ней.

После чая с тортом все побежали играть в сад. Сережа подошел к Эллине и сказал, что должен сообщить ей что-то очень важное. Эллина увлекла его в детскую беседку в глубине сада:

– Что ты хотел мне сказать? Может наше тайное местечко кто-то обнаружил и забрал все наши сокровища?

Тайное местечко в нише каменного забора за кустом гибискуса было вовсе не тайным для всех обитателей дома, но все делали вид, что не знают о нем. Там, под небольшим навесом из камня, лежала металлическая коробочка из-под конфет. В эту коробку Эллина и Сергей договорились складывать необычные вещицы, вроде красивых ракушек и камешков, привезенных с моря, или же засушенные осенние листья и цветы. Были здесь и монеты из разных стран – где кто побывал. Эти «сокровища» они начали собирать, когда были еще совсем детьми, а теперь это просто хранилось и держалось в секрете.

– Нет, я про другое.

И Сергей рассказал Эллине обо всем, о чем накануне услышал от родителей, когда они, думая, что он спит, разговаривали в своей спальне, забыв закрыть дверь.

Сергея Эллина знала с детства, она не помнит себя без Сережи. Да, так оно и было: его отец работал в их доме кем-то вроде системного администратора – в доме было много всевозможной электронной техники и всю ее нужно было обслуживать. Выполнял он настройку, ремонт и многое другое. И частенько приводил с собой Сережу. Так завязалась эта крепкая детская дружба между Эллиной и Сергеем.

Сергей не все понял из того, о чем говорили его родители, но одно он понял наверняка: мама Эллины вовсе не погибла в автокатастрофе, как об этом все говорили. Она жива, но найти ее не так-то просто. Почему – Сергей не знает.

«Дорогая мама! Я обещала рассказать тебе про подарки – вот, рассказываю. Сережа подарил мне две книги – «Приключения Алисы в стране чудес» (одну на русском языке, а другую на английском). Я не сказала ему, что и ту, и другую уже прочитала по несколько раз. Но мне нравится эта сказка, и я поблагодарила Сережу. Папа подарил мне красивый альбом с моими детскими фотографиями, а под каждой фотографией папа нарисовал рисунки: разноцветных бабочек, розового слоненка, собачку. Мне альбом очень понравился. А еще папа подарил мне большой набор художника – ведь я тоже люблю рисовать. Еще мне подарили игрушки, детские книжки и сладости. Дорогая мама, только мне ничего не надо, кроме тебя. Когда я была маленькая, я думала, что мама-Нина – это моя мама. Она хорошая, ласковая, когда я болела, она носила меня на руках и пела мне песенки. А на ночь всегда рассказывала сказку. Она и теперь рассказывает, когда я попрошу. Но потом я узнала, что мама-Нина – сестра папы, а ты умерла после того, как твоя машина перевернулась на дороге, когда я была совсем маленькая».

Эллина поежилась от прочитанного. Как все грустно и печально в ее жизни! Несмотря на всю ту обстановку, что создал вокруг нее отец, тот недостаток, даже роскошь, Эллина в детстве чаще была печальной, чем веселой.

Отец Эллины, Никита Ильич – владелец крупного банка, окружил свою дочь заботой и лаской, у нее были лучшие няни и педагоги. С самого рождения Эллины роль ее матери взяла на себя его старшая незамужняя сестра – Нина. Она привязалась к девочке всей своей нереализованной материнской любовью. Эллина теперь была для нее всем, о чем могла она желать: ее радостью, ее счастьем и утешением. И Эллина тоже любила свою маму-Нину. Да, она любила ее. Но по ночам во сне к ней приходила другая мама. О том, что это и есть ее мама, Эллине подсказывало ее детское чутье. Когда она «приходила», Эллина ощущала себя такой счастливой, какой в настоящей жизни никогда не была. Сейчас она вспомнила, как плакала, когда просыпалась, а мамы не оказывалось рядом, хотя она только что гладила ее по волосам во сне. А еще, как бывало, бежала на женский голос во дворе, похожий, как ей казалось, на голос мамы. Это страшное чувство растерянности, обиды и немой вопрос: «Почему ты меня оставила, мама?» – кровоточащей раной на сердце пронесла через все свое детство Эллина.

Эллина перевернула несколько страниц и продолжила чтение:

«Дорогая мама, ты даже представить не можешь, как мне плохо без тебя. Сегодня в школе какой-то мальчик толкнул меня, и я упала. Я порвала колготки и содрала колено до крови. Но я никому ничего не рассказала, а смыла кровь водой и приложила салфетку. Мне было больно; я знаю, если бы ты была рядом, ты бы погладила меня по волосам и успокоила, и мне не было бы больно».

Эллина ощутила дрожь в теле – то ли от холода, то ли от грустных воспоминаний. Ей вдруг захотелось горячего чая. Она пошла на кухню, приготовила себе чай с лимоном. С удовольствием отхлебывая из большой керамической чашки кисло-сладкий, слегка обжигающий язык напитков, Эллина почувствовала, как тепло разливается по телу, на душе становится спокойнее, и она вдруг подумала, как же не хватает ей сейчас Сережи. Ведь с ним она делилась всеми своими тайнами и переживаниями. И он так понимал ее! Где он теперь, ее друг детства, Сережа?

После того, как Сергей рассказал Эллине о разговоре родителей о ее матери, Эллина пришла к отцу:

– Папа, а правда, что моя мама вовсе не умерла, а жива?

– Что ты, детка, что ты такое говоришь? Кто тебе сказал это?

– Мне сказал Сережа, – и Эллина рассказала все, о чем поведал ей Сергей, упомянув непонятные и загадочные выражения «донорская яйцеклетка» и «суррогатная мать».

Никита Ильич побледнел, Эллине даже показалось, что он как-то присел на ногах, затем ухватился за спинку кресла и поспешно сел.

– Ну что за глупости наговорил тебе этот Сережа, он все придумал, не верь ему! А давай-ка мы сейчас в зоопарк поедem! Хочешь?

Эллина так обрадовалась, что расцеловала отца.

– В зоопарк! Конечно! Скорее в зоопарк! – и стала собираться, потому что одним из любимых ее мест на планете был зоопарк.

Только после этого разговора Эллина уже больше не видела ни Сережу, ни его отца в их доме: все говорили, что их семья переехала в другой город.

В зоопарке было много народу: у школьников начались летние каникулы, и родители приступили к выполнению культурно-развлекательной программы, запланированной для своих детей на время отдыха от школьных обязанностей.

У Эллины с отцом и мамой-Ниной тоже имелся план на лето. Обычно они отправлялись в Испанию, где жили в небольшом доме на берегу моря. Правда, Никита Ильич мог себе позволить лишь отпуск в две-три недели, но Эллина с мамой-Ниной отдыхали целое лето. Этот дом Никита Ильич приобрел специально для летнего отдыха. Сюда же часто приезжали погостить его друзья. Родственников, кроме сестры, у Никиты Ильича не осталось, и всем смыслом его жизни была Эллина. Ее он любил этой нежной отцовской любовью, баловал и лелеял. Но теперь на него все чаще стало накатывать угрызение совести за то, что он так бездумно, поддавшись почти модному веянию, осуществил появление ее на свет. Именно осуществил – вразрез естеству природы, религии, совести. Почему он тогда не думал об этом? Тогда, находясь на пике своего успеха в бизнесе, известности в обществе, его разум, оказывается, работал совсем по-другому. Ему казалось – главное иметь достаточный капитал, и все можно решить за деньги. В те годы среди обеспеченных людей началась «эпидемия» экстракорпорального оплодотворения и вынашивания детей при помощи суррогатных матерей. Одно дело, когда к искусственному оплодотворению прибегали супружеские пары, используя свой «биологический материал» – в любом случае, это их ребенок. Но ведь такой метод стали использовать однополые пары, да и просто одинокие богатые «родители». Захотел себе ребенка – пожалуйста, и ничего, что заведомо лишал такого ребенка матери или отца. Никто не задумывался о моральной стороне, никто не думал о детях – каково им будет; о том, что дети вырастут и придется отвечать им на вопросы об их «чудесном» появлении на свет. Как будут объяснять родители-мужчины, почему у их детей нет мамы? Смогут ли адаптироваться такие дети в обществе среди детей из традиционных семей? Не появится ли у кого-то из таких детей безудержное желание найти свою маму или отца? Все ли, однажды осознав противоестественность своего появления на свет, смогут найти в себе силы справиться с переживаниями и жить полноценной жизнью? И еще, самое главное: кто дал право взрослым лишать ребенка матери или отца только потому, что двум (или одному) однополым людям захотелось поиграть в «дочки-матери»? Почему, почему он тогда ТАК не умел думать, так понимать? Никита Ильич знал ответ: потому что тогда он не был родителем, он не знал, не подозревал о существовании в

душе, разуме человека таких уголков, которые начинают работать только с появлением на свет своего ребенка. Это – сплетение чувств, инстинктов, открывающих новые взгляды на смысл и ценности жизни.

И вот сейчас то, чего он так боялся, произошло. Он боялся, что рано или поздно кто-нибудь раньше него расскажет Эллине всю правду о ее появлении на свет. Он планировал рассказать ей сам, но думал сделать это позже, когда она станет взрослее – не сейчас. Теперь он был растерян, он не знал, как объяснить ей, если она снова станет задавать вопросы – ведь она еще мала, чтобы понять.

Никита Ильич много беседовал с психологами, все они давали советы, как отвечать на тот или иной вопрос ребенка. «Сами-то они хоть понимают, о чем говорят, какие советы дают?» – с досадой думал Никита Ильич. Хотя, возможно он недооценивал значение специалистов: ведь недаром они изучают психологию человека; их советы, основанные на многочисленных исследованиях и экспериментах, бывают спасительными в той или иной ситуации. Однако невозможно постичь все стороны устройства разума и души человека! А такие явления, как интуиция, телепатия, так называемые вещие сны так и остаются загадкой. Психологи подготовили ответы на ожидаемые от дочери Никиты Ильича вопросы, например, о ее матери. Но никто же не предполагал, что мама Эллины станет приходить к ней во сне! Что маленькая девочка будет видеть ее, слышать ее голос, чувствовать прикосновение рук. Что она могла бы узнать ее среди миллионов всех других мам!

Человек пошел против природы, самонадеянно полагая, что он, эта песчинка в бесконечности Вселенной, смеет управлять процессами, не им основанными и не им заложенными. Он вмешался в НЕ ИМ СОТВОРЕННОЕ и стал хозяйничать с уверенностью невежды там, где негоже быть ему в силу своей ничтожности и несовершенства.

К счастью, в зоопарке Эллина больше не задавала никаких «таких» вопросов. Она носилась от вольера к вольеру, проводывая своих любимых зверей. Никита Ильич хорошо знал, как поднять настроение дочери: достаточно было только предложить пойти в зоопарк. Это был совсем другой зоопарк, нежели тот, в который приводили родители Никиты Ильича его, маленького мальчика, в детстве – тесные вольеры, томящиеся в клетках неопрятные животные и неприятный запах.

Теперь это был большой и красивый парк с множеством цветов и декоративных растений. В просторных вольерах располагались чистые, ухоженные животные. Со стороны даже казалось, что они немного перекормлены.

– Папа, смотри, как льву постригли гриву – ровненько-ровненько, и челку тоже. Папа, как ты думаешь, ему нравится стричься? А у них что, есть специальная звериная парикмахерская? – щебетала Эллина.

– А у гиены родились дети – вон, видишь? Какие хорошенькие, вот бы их погладить!

Вволю налюбовавшись своими любимчиками-зверями, набегавшись по парку, Эллина потянула отца в кафе, где подавали ее любимое мороженое – традиционный белый пломбир с шоколадом и вишенками.

Выпив чаю и немного посидев еще на кухне в раздумьях, Эллина вернулась в комнату, взглянула в окно. Короткий зимний день уступал место сумеркам – они опускались на землю вместе с крупными снежными хлопьями, медленно и неслышно падающими и укрывающими все вокруг.

«Дорогая мама! Я должна тебе сказать кое-что, – Эллина открыла наугад страницу дневника, – мне кажется, я влюбилась в Сережу, а он в меня. Как же плохо, что тебя нет рядом! Ты бы мне дала совет: целоваться мне с ним или нет. Потому что вчера он сказал, что любит

меня и поцеловал в щеку, а я испугалась и убежала. Моя милая мамочка, где же ты сейчас, как не хватает мне тебя, мне столько нужно рассказать тебе! – в дневнике ведь трудно все описать...» – Эллина с нежностью вспомнила то ее детское чувство к Сереже. Но ярче всего она помнила ее сжимающую детское сердечко тоску по маме, по родной маме.

Когда Эллине было почти двенадцать, Никита Ильич как-то вечером пришел к ней в комнату и сам завел разговор о ее появлении на свет. Он рассказал ей все. И то, что не мог иметь отношений с женщиной, потому что – гей. Эллина, как показалось Никите Ильичу, почти не удивилась сказанному. Ее не удивило даже признание в его нетрадиционной ориентации. Возможно, Нина что-то успела ей рассказать, хотя Никита Ильич не разрешал: «Я сам обо всем расскажу Эллине, когда сочту нужным, тебе не стоит делать этого», – так было сказано сестре.

Эллина действительно знала почти все о своем рождении – о чем-то все-таки рассказала ей мама-Нина, что-то сама прочитала в интернете. Она не знала только одного: как выглядела мама, и она спросила об этом. Когда отец вспоминал зачитанное ему из карты донора: большие голубые глаза, чуть вздернутый нос, ямочки на щеках – и он, и Эллина вдруг поняли, что Эллина, должно быть, как две капли воды, похожа на мать.

«Да, так оно и есть, я ведь видела во сне свою маму, и она точь-в-точь такая, а еще у нее теплые руки и необыкновенный голос. Такой голос я узнала бы из тысячи других», – и вот именно в этот момент Эллина твердо решила, что будет искать свою маму, и чего бы ей это ни стоило – она найдет ее.

– Папа, родной мой, скажи, неужели я никогда не смогу увидеть маму? – тихо, почти шепотом, спросила Эллина.

– Как нам найти мою маму? – ее глаза наполнились слезами.

– Я ее сразу узнаю, она приходит ко мне во сне, и она такая, как ты рассказывал, да она такая: и волосы у нее светлые и глаза голубые-голубые, я ее знаю! – Эллина, разрыдалась, обняв отца за шею, – папочка, давай найдем маму, папочка, родненький...

Никита Ильич едва смог выдержать эти слезы дочери, эти слова – в них было столько боли, столько детского горя.

Ради дочери Никита Ильич был готов на все. И, видя ее страдания, он решил разыскать ту женщину-донора. Он прекрасно понимал всю деликатность ситуации: даже если удастся найти эту женщину, вправе ли он тревожить ее? Захочет ли она общаться с ним? Вполне возможно, что спустя какое-то время и к ней пришло чувство раскаяния, и если это так, какова будет ее реакция? Если она захочет увидеть свою дочь, что дальше будет с этими родными друг другу людьми? Много вопросов крутилось в голове. Последнее время Никита Ильич стал плохо спать, осунулся и, как перешептывались сотрудники банка, – «сильно сдал».

Никита Ильич поручил заняться поиском своему помощнику – Виталию. Ему он мог доверить столь личное дело, зная его как надежного и проверенного человека.

– Понимаете, Никита Ильич, закрыли ту клинику еще семь лет назад. В архиве нет данных по вашему донору, видимо их действительно уничтожили, – садясь за стол против Никиты Ильича в его кабинете, начал докладывать первые результаты проделанной работы Виталий.

– Но, дело не безнадежное, – Виталий достал из портфеля папку, перелистал несколько страниц, остановил взгляд на одной из них.

– Вот, Савин Константин Семенович, администратор баз данных. Вот он, как раз-то, работал в этот период в клинике. Правда, за год до закрытия уволился, а еще через год эмигрировал в Израиль.

– Ну, так в Израиль – это же не на Марс, найди его, ты думаешь, у него сохранились какие-нибудь данные?

– Да, не сомневаюсь. Я вышел на администратора, что там работала, так она сказала, что этот Савин как-то проговорился на корпоративной вечеринке, что еще сделает состояние на секретной информации – и ведь как в воду глядел! – тут он осекся, увидев, как подернулось лицо Никиты Ильича.

– Ну, в общем, я уже озадачил людей в Израиле, сегодня-завтра дадут мне знать.

Никита Ильич тоже понимал, что хоть и было написано в том договоре, что после успешного оплодотворения яйцеклетки данные донора уничтожаются и восстановлению не подлежат – не верилось, что кто-нибудь не захочет сохранить эти данные – уж больно заманчива перспектива заработать. Так уж устроено общество: правила и законы, как будто для того и пишутся, чтобы их ловко обходить, да еще и зарабатывать на этом.

Елена часто вспоминала свой последний звонок в школе. В коротком коричневом платье и белом фартуке она спешила к школьной сцене за похвальной грамотой, когда неожиданно подвернула ногу и уже готова была упасть посреди актового зала на виду у всех, как кто-то подхватил ее. Это был Игорь из параллельного класса. Он нравился Елене, но она редко когда даже говорила с ним, и вот теперь он держал ее, обхватив за талию, и их глаза встретились...

Елена и Игорь поженились, будучи на третьем курсе педагогического университета. Он учился на физкультурном факультете, она – на «литфаке».

Через год у них родилась дочь Иринка. Иринка росла маминой копией: такие же голубые глаза, немного вздернутый носик и эти кокетливые ямочки на щеках. А ее светлые густые кудри сводили всех с ума. «Какая красивая девочка, прямо как на картинке!» – говорили прохожие, повстречавшись с ней на прогулке. После окончания университета Елена и Игорь поступили на работу в школу, однако Игорь, отработав год, оставил школу и устроился в пожарное депо: там платили раза в два больше, да и квартиру, хоть и ведомственную, но «дали» сразу. Иринка подрастала, Елена и Игорь мечтали о втором ребенке – уж очень хотел Игорь мальчика. «Надо строить свой дом, – сказал как-то Игорь, его уверенный тон говорил о том, что им все уже продумано и просчитано. – У нас должна быть большая семья». Для строительства дома было решено взять кредит в банке – благо зарплата Игоря позволяла. Так и сделали. И вот уже стены возведены, а вот появилась и крыша, затем окна, двери. Были размечены дорожки, разбиты газоны. Даже несколько фруктовых деревьев, зафиксированных свежими колышками, были высажены вдоль межи и радовали глаз. Елена с замиранием сердца думала, как хорошо им будет в своем доме, какие клумбы она обустроит, какие цветы посадит. Уже подбирались обои, шились шторы, присматривалась мебель. Только не суждено было сбыться мечтам. Случилась беда. Игорь, будучи заядлым рыбаком, поехал, как часто это бывало, на рыбалку с друзьями. И как уж он так неудачно приземлился, прыгнув с высокого берега, только сильно повредил ногу. Оказалось, нога сломана в нескольких местах, да еще и со смещением. И начались его скитания по врачам и больницам. Были и операции, и всевозможные процедуры, но из больницы он вышел инвалидом. Его нога так срослась, что стала теперь короче, и ходить он мог, только опираясь на палку. О работе в пожарном депо пришлось забыть, да и о любой с хорошей зарплатой тоже. Он устроился ночным сторожем в детский сад на совсем скудную зарплату. Но кредит банку нужно было как-то выплачивать. Елена уже не помнит, как ей тогда удавалось со своей учительской зарплатой, и лечить Игоря, и кормить семью, и платить банку.

Игорь пробовал продать недостроенный дом, только в это время как раз в стране разразился очередной кризис, население нищало, дома упали в цене и продавались плохо.

Елена была в отчаянии. Ее зарплаты едва хватало на еду, и подработать было негде. Если хотя бы у нее был иностранный язык – она могла бы подрабатывать репетиторством. Но никто не хотел грамотно говорить и писать по-русски. В обществе начался бум на английский язык. Родители старались отдать своих чад в школы с углубленным изучением английского языка. Многочисленные курсы иностранных языков, не всегда дающие обещанный результат, были переполнены молодежью, мечтающей уехать за границу и «жить там припеваючи». Русскую речь наводнили английские слова: позитив-негатив, апгрейд, смарт, софт. А чего стоило однажды услышанное из уст девушки: «У тебя сегодня классный лук», на что следовал вопрос от ее, видимо не такой сведущей в иностранных языках, удивленной собеседницы: «Какой еще лук?»

Елене, воспитанной в семье педагогов, где к русскому языку и русской литературе было особое, можно сказать, трепетное отношение; где за семейными обедами и ужинами обсуждались прочитанные книги, а чаепития частенько заканчивались чтением стихов наизусть и «с выражением», – было обидно и грустно слышать, как засоряется русская речь.

Постоянная нехватка денег все больше тяготила Елену. Иринке пошел шестой год, в этом возрасте родители начинали водить детей в развивающие кружки и секции, но все они были платные, а Елена едва сводила концы с концами. Однажды она прочла в интернете объявление о приглашении молодых женщин к донорству яйцеклеток. Елену сразила величина предлагаемой платы. Сначала она даже не подумала принять это объявление на свой счет. Но на следующий день, когда чувство безысходности вновь овладело ею, она вдруг вспомнила про объявление. И отыскала его. Прочитала несколько раз и стала думать, а может это и есть выход из положения, да и подходит она по всем параметрам. И вознаграждение такое, что можно будет с банком рассчитаться полностью.

Елена решила пока ни о чем не говорить Игорю, решила все обдумать, взвесить и, если у нее будет аргументов «за» больше, чем «против», рассказать. Несколько дней Елена была в раздумьях, вновь и вновь перечитывала объявление, затем решилась позвонить. Девушка приятным голосом ответила на некоторые вопросы и предложила приехать в клинику для беседы с врачами и юристами и получения наиболее полной информации. Вечером Елена рассказала обо всем Игорю и, на ее удивление, он ответил, что если процедура не повредит здоровью, то в их теперешнем положении – это хорошая возможность решения финансовых проблем.

Еще больше в правильности намерения убедили Елену в клинике. Ее направили на всякого рода обследования и через некоторое время врачи дали заключение о ее пригодности для донорства яйцеклеток. После подписания договора Елену начали готовить к процедуре изъятия клеток. Подготовка заключалась в «накачивании» организма гормонами для получения большого количества яйцеклеток. Процесс был небезболезненным: Елену постоянно тошнило, болел живот и, казалось, вот-вот лопнет. Сама операция по изъятию клеток проходила под общим наркозом.

Так Елена отдала несколько своих яйцеклеток. По условиям договора ей сообщили только о том, что оплодотворение прошло успешно, а также сообщили пол ребенка: девочка. Больше Елена ничего не могла знать. Так же, как и другая сторона о ней: «реципиенты» получили сведения о ее состоянии здоровья, возрасте и внешних данных.

Полученными деньгами Елена и Игорь сразу же рассчитались с банком. Теперь можно было вздохнуть спокойно. А вскоре появился покупатель на их недостроенный дом. На вырученные деньги Елена и Игорь удачно купили небольшую квартиру, и теперь у них было свое жилье. А вскоре Игорь нашел работу преподавателя в частной автошколе. «Наконец-то черная полоса закончилась», – думала Елена. Игорь снова заговорил о втором ребенке, и Елена была не против. Только, то ли препараты, которые вводили Елене, повлияли, то ли сама операция

– не могла Елена теперь забеременеть. Обращалась к врачам, но те только руками разводили – не находили причину.

Хоть и не было такого уж большого достатка в семье Елены и Игоря, но жили они, по тем меркам, вполне нормально: в их уютной двухкомнатной квартире было все необходимое для жизни: удобная мебель, на кухне вся современная техника: посудомоечная машина, кофемашина, какие-то чудо-кастрюльки и чудо-сковородки – Елена была законодателем здесь. И питались хорошо, а уж для Иринки вообще старались покупать все самое лучшее: на столе всегда были свежие фрукты и соки. Несмотря на то, что Иринку баловали, росла она послушным ребенком.

С Иринкой у Елены не было особых проблем: она была крепким здоровым ребенком, пожалуй, единственная в группе детского сада и в школьном классе, кто крайне редко болела. В самые свирепые эпидемии гриппа Иринка оставалась здоровой в отличие от сверстников. Да и Елена с Игорем почти не болели простудой. «Вирусы от нас отскакивают», – шутила Елена. Детство Иринки пришлось на то время, когда в обществе появилось веяние о страшном вреде прививок. Молодые мамочки, начитавшись статей в интернете, наслушавшись мнений друзей-знакомых, повально отказывались делать прививки детям от серьезных болезней. Их не смущало, что самим-то им в детстве были сделаны прививки, и они прекрасно себя чувствуют. Елена была как раз из числа противников – она отказалась от прививок Иринке. Девочка росла здоровым ребенком, а прививки могли только навредить – так рассуждала Елена. Иринке шел десятый год, она училась в третьем классе, когда стали появляться сообщения о вспышках кори. Может быть потому, что не все дети были привиты, но болезнь стала быстро распространяться – вот уже и в их городе закрыли несколько школ на карантин. Елена сначала даже не вспомнила, что у Иринки нет прививки от кори, а когда вспомнила, подумала: «Ничего, она у нас крепенькая, обойдется». Но не обошлось. В один из дней Иринка пришла из школы вялая, отказалась обедать, Елена уложила ее в постель. К ночи у нее поднялась высокая температура, Иринка жаловалась на головную боль и не разрешала включать свет. Елена вызвала «скорую». Иринку забрали в больницу. На следующий день, после ночи без сна, Елена с Игорем с утра ожидали врача у ординаторской. Врач был явно обеспокоен состоянием ребенка: у девочки диагностировали корь, и болезнь развивалась крайне остро – Иринку перевели в реанимацию. Елена и Игорь весь день провели в больнице, они сидели в вестибюле молча, каждый замкнувшись в своих мыслях и терзаниях. К вечеру ничего утешительного врач им не сказал. На ночь пришлось уйти домой. На следующий день, утром, как только пришли, поспешили к врачам. Их не обрадовали. Состояние дочки ухудшилось – у нее развилась пневмония.

Иринка умерла ночью на пятый день болезни. Елене и Игорю тогда уже разрешали оставаться в больнице на ночь, и они сидели в коридоре – и он, и она, находясь в состоянии отрешенности и потери связи с реальным миром. К ним вышел врач и сказал, что организм их дочери хоть и крепкий, но с болезнью не справился...

После похорон Иринки с Еленой случилось тяжелое нервное расстройство, она долго лечилась и в больницах и дома. С работы пришлось уйти. Игорь заботился о супруге: возил по врачам, готовил еду и, как ребенка, кормил. Забота о Елене отвлекала Игоря от переживаний, позволила легче справиться с болью от потери единственного ребенка. С Еленой было тяжелее. Она замкнулась в себе, ни с кем не разговаривала и, казалось, не замечала ничего вокруг. Она думала о своей покойной дочери и казнила-казнила себя. Она казнила себя за не сделанную ей в детстве прививку. Но больше всего она казнила себя за то, что продала свои яйцеклетки. Ей казалось, что именно за это она наказана.

С самой первой минуты, когда Елена узнала, что оплодотворение ее яйцеклетки произошло, и что через девять месяцев на свет появится девочка, она не переставала думать о ней – о своей младшей дочери. Глядя на Ирину, она представляла вторую свою девочку: быть может, она похожа на Ирину и у нее такие же большие голубые глаза, вздернутый носик и светлые кудри. Да, наверно так оно и есть. И Елена представляла, как будут любить и лелеять ее. Конечно, она будет жить в богатой семье, не то, что они с Ириной. Поначалу Елена, как ей казалось, думала о дочке без особого волнения и надеялась, что со временем успокоится и станет реже думать о ней. Но она не переставала думать, теперь на нее стала накатывать тоска и чем дальше – тем больше. Только постоянные заботы об Ирине отвлекали ее от тяжелых мыслей. Но ночами ей некуда было деться – тоска нападала такая, что хотелось кричать. Стараюсь не разбудить Игоря, она вставала, шла в ванную и рыдала: «Доченька моя, прости меня, прости, что тебя бросила, кровиночка моя...» – шептала она сквозь слезы.

Когда младшей дочери должно было быть около года, совсем отчаявшись, Елена поехала в клинику, о которой без содрогания не могла вспоминать, в надежде что-нибудь узнать о семье, куда она «продала» свою дочь. Девушка-администратор, выслушав с абсолютным безразличием Елену, которая не смогла сдержаться и разрыдалась, отвела ее в юридический отдел. Юрист – молодая крупная женщина с белыми на концах и черными у корней коротко стриженными волосами в так плотно обтягивающей ее довольно пышную грудь блузе, что казалось, та вот-вот затрещит по швам, небрежным жестом указала Елене на массивный кожаный диван.

– Елена Сергеевна, вы внимательно прочитали договор перед тем, как его подписать? – обратилась она к Елене, выслушав ее рассказ, прерываемый рыданиями.

Елена кивнула.

– Вы ведь прекрасно знаете, что у донора нет родительских прав на ребенка, а также и то, что донору запрещено требовать информацию о родителях – реципиентах. Поэтому, мой вам совет: обратитесь за психологической помощью к специалисту – можете записаться к нашему психологу. Поверьте, вы не первая, кого волнуют подобные вопросы. Да, иногда у женщин-доноров случаются депрессивные настроения, но, как правило, после двух-трех визитов к психологу все сомнения рассеиваются. Психолог просто поможет вам увидеть ситуацию с другой стороны, вот и все.

Вот так эта женщина убила маленькую надежду, которая теплилась у Елены в душе – надежду найти свою младшую дочь.

После того, как Сергей рассказал Эллине обо всем, о чем услышал от своих родителей о рождении Эллины, Никита Ильич пригласил его отца, Максима, в свой кабинет. Разговор был недолгим: Никита Ильич, едва сдерживая раздражение, посоветовал Максиму вести «взрослые» разговоры при закрытых дверях своей спальни.

– Максим, мы с тобой знакомы с девяностых. Я доверял тебе, может быть больше, чем кому-либо еще. Но обсуждать деликатные стороны моей жизни, неважно, что это твоя супруга – это уж слишком. Я от тебя такого не ожидал.

Затем, глядя куда-то мимо Максима, Никита Ильич сказал, что больше не нуждается в его помощи, поблагодарил за сотрудничество и добавил, что причитающееся вознаграждение ему передаст секретарь.

Максим подрабатывал у Никиты Ильича не ради денег даже, а по старой памяти – когда-то устанавливал ему компьютеры и другую технику в его тогда еще небольшом офисе – с тех пор у них сложились, можно сказать, дружеские отношения, и он не отказывал Никите Ильичу в помощи по обслуживанию техники. Как раз накануне Максим начал работать на новую IT-

компанию, свободного времени не оставалось. Поэтому, выйдя из кабинета Никиты Ильича, он облегченно вздохнул. В этой ситуации была единственная неприятная вещь – это стыд и за себя, и за Сергея, и то, что отношения с хорошим человеком, а именно таковым был Никита Ильич для Максима, оказались так нелепо разрушены.

«Сергея, конечно, «молодец» – подслушать разговор взрослых, да еще и рассказать – вот получит у меня», – сердито подумал Максим.

Дома он объяснил Сергею, что это некрасиво – подслушивать чужие разговоры, что он поставил, таким образом, отца в неудобное положение – ему пришлось краснеть из-за него. И сказал, что больше не будет работать в доме у Никиты Ильича.

Сергей, узнав, что теперь он не сможет видаться с Эллиной, расстроился, но виду не подал. Только когда ушел в свою комнату и лег в кровать, долго не мог уснуть – все думал об Эллине.

Что же теперь будет? Теперь, когда он понял, что влюблен в эту девочку, что ради нее готов на любой подвиг – теперь им придется расстаться и, возможно, навсегда.

Так и вышло: ни на следующий день, ни в дальнейшем Сергею больше не приходилось бывать в доме отца Эллины и не удалось увидеть ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.